

Новый Восток (Новый Восток, №19(1927)
Moskva

НЕДЖИБ-ХАНУМ.

Рабочее законодательство современной Турции.

26 июня закончили свои работы турецкий межклассовый второй съезд. Подводя итоги его четырехдневной деятельности, турецкая пресса¹⁾ отмечает, что в то время, как первый межклассовый съезд национально-революционной борьбы и второй межклассовый в обстановке, созданной заговором Дозанского договора, закрепили завоевания этой революции, превратив Турцию из абсолютной монархии в республику, отменив хагиат и приняв ряд отвечающих требованиям современной жизни законов, поставивших Турцию на один уровень с цивилизованными государствами Европы.

Действительно, не подлежит никакому сомнению, что как первый, так и второй межклассовый проделали большую работу в деле преобразования и возрождения Турции, но, если среди огромного числа изданных или законов (свыше тысячи) попытаться найти законы и постановления, регулирующие положение и права турецких рабочих, то результаты таких изысканий окажутся чрезвычайно скудными. В самом деле, какадлистское правительство, которое в области социальных реформ приняло кое-что для улучшения положения турецкого крестьянства, в частности, отменило деканшип на нем столь тяжелым бременем ашара, не проявило почти никакого внимания к нуждам турецкого пролетариата. Правда, республиканское правительство Турции не раз высказывало намерение заняться реформами и в этой области, но эти реформы, за небольшими исключениями, оставались в сфере проектов, и второй турецкий межклассовый законный последний сессии так и не рассмотрев внесенного в него проекта закона о труде.

Наконец, подученное республиканским правительством Турции по рабочему законодательству от султана и от пришедшего ему на смену младотурецкого режима, столь же незначительно по количеству изданных законов, сколь и убого по их содержанию. От султана и республиканской Турции, кроме нескольких малозначительных постановлений, разрозненных в гражданском кодексе Оттоманского империи (так наз. Маджелье) и пошедших в силу с введением в действие с 4/X—1, 26 года нового, заимствованного у Швейцарии гражданского кодекса, унаследовала старин-

1) "Маджелье" 27/VI—1927 года, "Вахат" 28/VI—1927 года.

ный регламент об эснафах (корпорациях ремесленников), характерной особенностью которого является то, что эснафы представляют собой организации, обслуживающие хозяев, подмастерьев и рабочих, занимающихся одним и тем же ремеслом. Таким образом, эснафы номинально по своей структуре средневековые цехи и во всяком случае не имеют ничего общего с современными профессиональными союзами. Согласно регламенту об эснафах²⁾, во главе каждого из них стоит его председатель, так наз. кахья, который большей частью назначается правительством и только в некоторых исключительных случаях выбирается членами самого эснафа. Из кахьи и еще двух членов эснафа — казначея и секретаря, составляется совет эснафа, который должен был вести дела эснафа, защищать его интересы, заботиться о нуждающихся членах организации и в случае надобности распознать довольно большой дисциплинарной власти, вплоть до лишения работы и телесного наказания провинившихся членов эснафа. Каждый член эснафа обязан был иметь особый билет (теакере) о своей принадлежности к эснафу. Это теакере выдавалось за определенную плату; кроме того, каждый член эснафа должен был ежемесячно уплачивать известный взнос в кассу организации. Постепенно эти старинные цеховые организации вырождаются и приобретают характер замкнутых землячеств, в которые принимались только лица, связанные общностью происхождения из одного района³⁾.

Несмотря на всю архаичность этого закона, он продолжает формально существовать и до настоящего времени, и целый ряд рабочих организаций Турции и теперь существует на его основе. Из общего числа организованых рабочих Турции, которое определяется приблизительно в 45.000, около 20.000 рабочих объединено именно на основе регламента об эснафах⁴⁾.

Другим законом, сыгравшим очень важную роль в истории рабочего движения Турции и доставившимся кемалистам от младотурецкого режима, является знаменитый закон о забастовках. Закон этот был издан младотурками 27/VI—1909 г.⁵⁾ в результате волеи забастовок, протестившейся по Турции после революции 1908 г. Основной принцип этого закона изложен в статье восьмой, гласящей: «Образование профессиональных союзов в предприятиях, предназначенных для общественного пользования, запрещено. Лица, которые в предприятиях названной категории образуют профессиональный союз, будут преследоваться за работу».

1) Jönck, Corps de droit ottoman.

2) Турко-Куржик. «Рабочее и социальное движение в Турции» в сборнике «Турция в борьбе за независимость». Изд. НАВ. М. 1925.

3) «История профдвижения в Турции за 1926 год», в жур. Межпарламентское рабочее движение № 4 за 1927 г. (в этом номере все же следует относиться с осторожностью, так как в Турции точной статистики нет).

4) Первоначально он был введен, как временная мера, с датским праде от 8/X—1908 г.

вызывают прекращение их деятельности, будь то посредством провокации или обмана, угрозами или насильем, будут наказаны; если они вызвали прекращение профессионального союза и препятствовали работе или вызвали прекращение деятельности предприятий посредством провокации или обмана, наказание будет от одной недели до шести месяцев тюремного заключения или от одной до двадцати пяти турецких лир штрафа если они вызвали прекращение деятельности учреждения угрозами или насильем, то от одного месяца до одного года тюремного заключения или от одной до пятидесяти турецких лир штрафа.

Та же статья возлагает на виновников подобного рода деяний материальную ответственность за возможные последствия в результате их действий (убытки¹⁾). Таким образом, этот закон затрагивает сразу и при том самым печальным для рабочих образом две самые актуальные проблемы прорабской жизни. Закон этот категорически запрещает 1) образование профессиональных союзов в предприятиях общественной собственности, в которых закон относит железные дороги, трамваи, водопровод и т. д., 2) образование забастовок в тех же предприятиях.

Для урегулирования конфликтов, возникающих между предпринимателями и рабочими, закон о забастовках предлагает следующий метод. Рабочие в случае конфликта должны выбрать трех делегатов, которые надлежит выработать меморандум с изложением своих требований. Этот меморандум сообщается министерствам торговли и общественных работ, а те, в свою очередь, передают его предпринимателям. Если последние в течение семи дней не дадут на него никакого ответа, то требования рабочих считаются принятыми. Если они заявят, что они не согласны с этими требованиями, то они также избирают трех делегатов, после чего делегаты обеих сторон собираются под председательством лица, назначенного правительством для того, чтобы попытаться мирным образом урегулировать конфликт. Если это им удастся, то достигнутое соглашение проголошуровывается, и обе стороны обязаны ему подчиниться. Если соглашение не будет достигнуто, то применяется статья 6 закона, гласящая: «В случае, если обе стороны не придут к соглашению, служащим и рабочим предоставляется право покинуть работу, но запрещаются всякие демонстрации, действия и поступки, нарушающие свободу работы». Иными словами, даже и в таком случае рабочим запрещается формально объединять забастовку, так как забастовка это есть организованное выделение рабочих, определенно запрещенное в этих предприятиях служением рабочим, а «право покинуть работу без демонстраций и по-ступков, нарушающих свободу работы» не может быть приравнено к праву объединять забастовку. Во всяком случае, статья закона сформулирована столь неясно, что всегда могут быть истолкованы против ра-

бочих. Не трудно также заметить, что выражение «предприятия, предназначенные для общественного пользования», тоже может быть истолковано в самом широком смысле, что опять-таки дает возможность, в случае надобности, распространить действие этого закона на всевозможные предприятия, первоначально им вовсе не предусмотренные.

Закон о забастовках в таком же виде, в каком он функционировал при младотурках, перешел к республиканскому правительству Турции. Формально в него не было внесено никаких изменений, никаких дополнений. Но их внесла жизнь, и с этими изменениями правительству Мустафы Кемали волей-неволей пришлось сдаться, так как за ними стояли крепнищие, распухшие количественно и усиливая плеча качественно рабочие массы Турции. Прежде всего рабочие Турции, хоть и не очень многочисленные, так как Турция в основе своей страна крестьянская (точной статистики в Турции нет — число рабочих определяют очень различно от 100.000 до 200.000 человек), сумели фактически завоевать себе право забастовки, не признанное за ними законом. В настоящий момент в Турции дело обстоит так, что вопреки закону, рабочие любой категории предприятий могут, если предприниматели не согласаются на их требования испросить у правительства нового комиссара разрешение на забастовку, и в большинстве случаев последний по исчерпанию определенного срока, вынужден давать им это разрешение¹⁾. Доказательством этому, между прочим, являются также и те многочисленные за последние годы случаи забастовок в Турции, участники которых в судебной ответственности не привлекались, что было бы необходимо, если бы закон о забастовках целиком провозглашен был в жизнь. Второе, не менее крупное изменение, внесенное жизнью в этот драконовский закон, касается организации профессиональных союзов. Закон о забастовках, как уже было сказано, категорически запрещает их образование в крупнейших отраслях промышленности. Несмотря на это, мы видим в Турции целый ряд профсоюзных организаций, в частности среди железнодорожных и трамвайных рабочих, и, хотя это явно противоречит закону о забастовках, правительство этих организаций не распускает. Дело в том, что турецкие профсоюзные организации для своего легального оформления пользуются другим законом, изданным также при младотурках, а именно, законом об ассоциациях. Он был издан еще 3/III—1909 года, но также остался в силе и при кемалистах, подтвердился только незначительным и изменением (в частности, законом от 15/X—1923 года понижая возраст для вступления в число членов ассоциаций — раньше этот возраст был 20 лет, теперь 18).

Закон этот, предназначенный для гораздо более широких целей, чем специально рабочие организации, и потому о них вовсе не упомина-

¹⁾ Bilicott. Legislation ottomane depuis le rétablissement de la Constitution. 1912.

¹⁾ Астахов. «От султана к демократической Турции». М. Л. Гос. Изд. 1926.

наший, предоставляет право свободного объединения с последующим уведомлением правительства лицам, преследующим общие цели, не меркантильного характера. Однако, он ставит этой свободе следующие очень узкие границы: "Запрещается образование ассоциаций, преследующих какие-нибудь незаконные цели, противоречащих законам, нарушающих добрые нравы или же таких, которые имеют целью нарушение общественного порядка или целостности территории, или же изменение существующего политического строя, или же отторжение от государства, с политической точки зрения, различных народностей империи". (ст 3). "Запрещаются политические ассоциации, занимающие свои цели и наименование у какой-нибудь расы или национальности" (ст 4). Этот закон запрещает также всякого рода секретные ассоциации: об образовании каждой ассоциации правительство немедленно должно быть поставлено в известность¹⁾.

Таким образом, этот закон, запрещающий образование всяких ассоциаций, направленных против существующего строя и порядка, дает властям широкие возможности бороться с любыми организациями, в том числе и рабочими, под тем предлогом, что они стремятся именно к этим запрещенным целям. Рабочие организации, слишком сильно концентрирующие внимание на политических вопросах, всегда могут быть, со ссылкой на этот закон, обвинены в стремлении к недопозволенному существованию строя и в связи с этим подвернуться всякого рода репрессиям, вплоть до закрытия и ликвидации их. Эта угроза заставляет рабочие организации Турции заимать, главным образом, экономические вопросы, и мы видим, как под давлением правительства самая крупная рабочая организация Турции "Тюрк Амеде Теали Джемнети"²⁾ (дословно "Общество Возвышения Турецких Рабочих"³⁾ — обычно называется "Ассоциация Турецких Рабочих"⁴⁾ в 1925 году даже выпускает коммюнике, декларирующее, что рабочие Турции совершенно не интересуются политическими вопросами⁵⁾.

В том же направлении действует изданный много позже, уже при кемалистах, "Закон об охране порядка". Закон этот, проведенный через Маджлис 4/III—1925 г., в самый разгар курдского восстания, хотя и не имеет прямого отношения к рабочим организациям, но благодаря тому, что он предоставляет правительству неограниченные полномочия в деле борьбы со всякого рода начинаниями, угрожающими общественному порядку и спокойствию, тем самым дает в его руки сильно организованную рабочую движению вооружение. В частности, именно на основании этого закона, в 1925 году были закрыты все рабочие газеты, были арестованы и преданы суду многие коммунисты, и, наконец, един-

1) Vilhoft—та же книга.

2) Эта организация была создана осенью 1924 года.

3) Кизилбордский. "Рабочее движение в Турции".

ственному всетурецкому профессиональному объединению — "Тюрк Амеде Теали Джемнети" — было предписано из всеуречкой организации превратиться в организацию чисто константинопольскую¹⁾. Из сказанного видно, что оба эти закона могут быть использованы и используются правительством для борьбы против рабочего движения.

Ожесточенная национально-освободительная борьба, продолжавшаяся за военным разгромом Турции, заставила молотую турецкую буржуазию, составлявшую основное ядро сил, бившихся за освобождение страны от тисков империализма, искать опоры в самых различных слоях турецкого населения, в том числе и в среде турецкого пролетариата. С этой целью турецкая буржуазия в первый период национально-освободительного движения определенно заигрывала с рабочими Турции, сама создавала профессиональные союзы и оказывала им всяческое содействие. Этим заигрыванием, а также выигранем, стачечного движения объясняется издание первого²⁾ и в своем роде единственного закона, посвященного специально защите интересов рабочих, правда, рабочих ограниченного района Турции — угольного бассейна Терактеи (зато этот район является специфически рабочим). Этот закон, изданный 10/IX—1921 года и носивший название "закона относительно прав рабочих угольного бассейна Терактеи", устанавливал некоторые положения, ранее совершенно неизвестные в Турции. Прежде всего впервые в истории законодательства Турции он запрещал работу в угольных колах Терактеи лицам, не достигшим 18 лет. Далее, также впервые в Турции он вводил принцип восьмичасового рабочего дня для терактейских рабочих, при чем в эти часы включалось также время спуска в шахту и подъема из нее. Затем, закон определял плату за сверхурочные часы, допускался индекс фиксации обязательств обеих сторон, в двойном размере и признавал принцип фиксации минимальной заработной платы по соглашению между делегатами предпринимателей, рабочих и Комиссарата Экономии. Наконец, он возлагал на предпринимателей ряд обязанностей: они должны были вносить один процент с общей суммы всей выплачиваемой рабочим заработной платы на сберегательную кассу, бесплатно лечить больных или пострадавших от несчастных случаев и выдавать последние или их наследникам денежное возмещение.

Этот закон может считаться беспрецедентным в истории рабочего законодательства Турции. Можно даже сказать, что он является первым

1) Итоги профанизации в Турции за 1926 год. ("Международное рабочее движение", № 4, 1927 год).

2) Если не считать более ранних, но совершенно незначительный закон от 28/IV 1921 году, предоставляющий в распоряжение рабочих терактейского района суммы, вырученные от продажи угольной пыли Терактейских предприятий — холды, которые вряд ли могут достигнуть значительных размеров.

тической борьбы, когда республиканское правительство энергично приступило к реформам во всех областях жизни страны, когда с этой целью оно наметило к изданию многочисленные законы для проведения в жизнь этих реформ, и когда оживившаяся в результате революции рабочая движению поставило вопрос о рабочем законодательстве в число самых актуальных.

И вот мы видим, что в конце 1924 г. правительством создается специальная комиссия во главе с тогдашним министром торговли Али Джанани беем, которой поручается ознакомление с наиболее совершенными европейскими кодексами труда, в том числе и с советским, перевод их и составление соответствующего законопроекта для Турции.

К началу 1925 г. эта работа была закончена, и составленный законопроект был отпущен на заключение по всем комиссиям междунар.

Этот законопроект (он повлиял, к сожалению, не целиком, а в выдержках в турецких газетах „Хакимети Миллие“, „Джумхуриет“ и др. за февраль 1925 г.) содержал в себе 110 статей и подразделялся на ряд глав, каждая из которых была посвящена определенному вопросу. Так, в нем были специальные главы о длине рабочего дня, о ночной работе, о женском и детском труде, о дне недельного отдыха, о праздниках, вообще, о договоре ученичества, о способах оплаты жалавания, о контроле над трудом кустарей, об образовании Высшего Совета Труда и Дирекции Труда и т. д.

Многие из этих вопросов подвергались самой детальной регламентации. Статья 1-я этого закона гласила: „Закон о труде определяет порядок и мероприятия, регулирующие отношения между работодателями и рабочими, условия труда и охрану труда в частных и казенных предприятиях“. Однако, дальше говорилось, что на сельскохозяйственных предприятиях с механическими двигателями не больше 5 лошадиных сил или числом рабочих не больше 10 и на работ, в которых принимают участие члены одной семьи или родственники, действие этого закона не распространяется.

Необходимо отметить следующие основные положения, установленные этим законопроектом: длина рабочего дня во всех предприятиях должна быть не больше 10 часов, с часом на отдых (в неделю не больше 60 часов); в шахтах и рудниках длина рабочего дня устанавливается в 8 часов в день (в неделю не больше 48 часов); в исключительных случаях допускается отступление от этих правил, но с тем, чтобы количество сверхурочных часов в общем не превышало 180 часов в году; плата за сверхурочные часы должна быть на 50% выше, чем за обычные; дети не могут, подробно перечислены те профессии, в которых запрещается применять труд подростков до а) 14 лет, б) до 16 лет, в) до 17 лет. В частности, лица, не достигшие 17 лет, не могут работать

в шахтах и рудниках; имеется целый ряд постановлений по охране женского труда, в частности, женщинам предоставляется 4 недели отпуска до родов и 6 недель после родов.

Законопроект, насколько можно судить по тому, что появилось в прессе, оставил незагнотутыми — для урегулирования в будущем, вопросы об инвалидности, старости, несчастных случаях, страховании и др. Он совершенно не говорил о праве создания профсоюзов и о праве на забастовки. Он проектировал на ряду с созданием Дирекции Труда (бюрократического учреждения) — создание Высшего Совета Труда (выборного учреждения), в котором должно было быть 15 представителей от правительства и капиталистов и 7 представителей от рабочих. Этот Совет должен был засесть 10 дней в году и разбирать такие вопросы, как вопросы об отношениях между капиталистами и рабочими, о заработной плате, об условиях труда и т. д. и т. д.

Законопроект этот, несмотря на то, что он при всех своих огромных недостатках, все же имел и ряд положительных сторон, вызвал довольно резкую критику, как со стороны прессы, так и со стороны рабочих. Критиковала проект не только рабочая пресса, тогда еще существовавшая в Турции („Орак ва Чекит“), но даже такая реакционная панисламистская газета, как „Тевхиди Эфкар“ (это, весьма возможно, объясняется тем, что газета в своей оппозиции республиканскому правительству стремилась свистать сингапур рабочих кругов). В своем номере от 27/1 1925 г. газета восклицала: „Если бы это был действительный кодекс, который сейчас нужен, то он начинался бы со слов: „С момента опубликования этого закона отменяется закон о забастовках“. Образование рабочих организаций и союзов свободно“. И далее, газета констатировала: „Закон в значительной мере оберегает капитал и покровительствует ему“. Если так реализовала на законопроект правая газета, то неудивительно, что гораздо более горячо откликнулись на него рабочие слои Турции.

13/II 1925 г. Амеде Теали Джемлети созвал в Константинополе в своем помещении представителями различных константинопольских рабочих организаций специально для обсуждения проекта трудового кодекса. Собрание было очень многочисленным, на нем присутствовало 150 делегатов, представлявших 14 союзов, были также и коммунисты. Дебаты происходили чрезвычайно оживленные; коммунисты требовали издания закона о профсоюзах. Для более углубленной проработки вопроса была избрана специальная комиссия из 19 человек, которой было поручено выработать контр-проект, приняв за его основу программу, принятую по рабочему вопросу Смирнским Конгрессом¹⁾. По словам „Тевхиди Эфкар“, рабочие в общем были настроены против проекта, вырабатанного правительством.

¹⁾ Тевхиди Эфкар от 14/II 1925 г.

Комиссия очень энергично занялась порученным ей делом, и уже 20/II было созвано второе общее собрание, еще более многолюдное — присутствовали на нем члены рабочих организаций преемственно не меньше 30.000 рабочих Константинополь. Это собрание единогласно одобрило выработанные комиссией требования, а именно: введение восьмичасового рабочего дня, необходимость законодательной охраны материнства, запрещение заключения договора о найме с отгульными лицами, установление наказаний для предприятий, нарушающих этот закон, предоставление профсоюзам прав юридических лиц, возмещение пострадавших от несчастных случаев, законодательная охрана детского труда¹⁾.

Кроме того собрание постановило делегировать в Антону комиссию из трех человек, для того, чтобы она добивалась проведения в жизнь этих требований, а также признало целесообразным продолжение деятельности комиссии 19 апреля до введения в действие кодекса труда²⁾. Комиссия трех, действительно, поехала в Антону, но, как это ни странно, дальнейшие сведения о ее судьбе, а также о судьбе выработанного трудового законопроекта в прессу не попадали. Правда, уже в январе 1927 года газета „Вакыт“, сетуя на то, что вот уж 3 года, как межкласс безрезультатно рассматривает проект трудового кодекса, объясняет это тем, что этот проект прошел через бесчисленное количество комиссий и подвергся в них столь существенным изменениям, что когда он вернется к своему автору Али Джемали бейю, то последний не узнал его и счел необходимым создавать его заново. Объяснение это, конечно, не выдерживает критики, и причины этой задержки нужно видеть совсем в ином.

Дело в том, что как раз в феврале 1925 года в восточных видахтах Турция вспыхнуло огромное курдское восстание. Это восстание на долгое время отвлекло внимание турецкого правительства в другую сторону и одновременно наложило глубокую печать на характер и направление всей его последующей деятельности. Изнав 4/III закон об охране порядка (о нем говорилось уже выше), основной целью которого была борьба со всякого рода конт-революционными и реакционными выступлениями, правительство в то же самое время использовало его также и для борьбы против всякой оппозиции, вообще, хотя бы и левой. Действительно, закрываются рабочие газеты, арестовываются и ссылкиются коммунисты, принимаются всякого рода меры против роста и развития рабочего движения. Понятно, что при таких условиях работа о рабочих отошла на задний план; возможно также, что выработанный проект трудового кодекса мог показаться слишком левым и требующим

¹⁾ Шакир Расим, Ассоциация рабочих Турция (Международное рабочее движение № 3, 1925 г.).

²⁾ „Ташин“, 21/II 1925 г.

постому основательной переработки. Содержание нового проекта, внесенного в межкласс уже в 1927 году, как-будто подтверждает эту мысль.

Как бы то ни было, но с февраля 1925 г. и до осени 1926 г. о проекте трудового кодекса ничего не было слышно, и только 1 октября 1926 г. на сессии, созванной Амеде Теали Джемали, этот вопрос снова поднимается. На этом сессии было отмечено, что хотя промышленность Турции развивается, положение рабочих не улучшается. Заработная плата не увеличивается, хотя жизнь значительно выродилась. Присутствовавшие на сессии рабочие говорили о необходимости фиксации длины рабочего дня, введения страхования от несчастных случаев, обеспечения взаимопомощи и рабочего законодательства, вообще. Все это не помешало, однако, сессии послать Мустафе Кемалю приветственную телеграмму по случаю его счастливой избавления от смирнского заговора. В этой телеграмме высказывалась также просьба о скорейшем проведении через межкласс трудового кодекса¹⁾. В ответ на эту телеграмму Исмет паша от имени правительства сообщил, что трудовой кодекс будет рассмотрен межклассом в текущую сессию. Очевидно, вопрос, действительно, снова стал актуальным, так как при усиленном стремлении турецкого правительства к развитию туземной промышленности и привлечению к этому делу иностранного капитала, полное отсутствие регламентации в области труда и связанная с этим неопределенность вряд ли могли способствовать достижению этой цели. Вероятно, в связи с этим снова начинают приниматься меры в этом направлении. Вырабатывается новый проект закона о труде, и межкласс должен был до окончания своих занятий в этом году рассмотреть и принять его.

Новый законопроект существенным образом отличается от проекта 1925 г.²⁾ Прежде всего он состоит всего из 27 статей (в старом законопроекте, как уже говорилось, было 110 статей).

Статья первая этого закона гласит: „Настоящий закон распространяется на отношения между работодателями и рабочими, работающими в предприятиях, занятых производством, изготовлением, приготовлением, выглажкой, сборкой частей, очисткой, строительством, ремонтом, перевозкой и транспортом. На сельских рабочих, кустарей, работающих совместно с семьей или родственниками, сельские предприятия и предприятия, в которых работает меньше 15 человек, действие этого закона не распространяется. Однако, правительство контролирует их и следит за тем, существуют ли в этих предприятиях условия, представляющие опасность и вред для жизни и здоровья лиц, работающих в них. По отношению к детям и женщинам действуют правила, установленные в этом законе и в предприятиях с числом рабочих меньше 15“.

¹⁾ С’езд Амеде Теали („Международное рабочее движение“ № 44, 1926 г.).

²⁾ Текст проекта напечатан в газете „Никам“ от 20/IV 1927 г.

Эта статья намеренно приведена здесь полностью, так как она сразу вскрыывает ограниченность и вместе с тем неопределенность рамок применения этого закона. Часть первая этой статьи составлена в настолько общих и ничто не говорящих выражениях, что остается совершенно неясным, какие предприятия попадают в категорию тех, на которые распространяется действие этого закона. Попадут ли, например, в эту категорию торговые предприятия? На основании текста закона на этот вопрос ответить невозможно. Более ясна, но зато еще более суживает рамки применения этого закона часть второй этой статьи, перечисляющая исключения из нее. Всем известно, что Турция страна еще с очень слабо развитой промышленностью, и потому преобладают в ней мелкие кустарные мастерские. В среднем на каждую такую мастерскую приходится гораздо меньше 15 рабочих¹⁾. И как раз на эти предприятия, составляющие основную массу промышленных предприятий Турции, действие этого закона не распространяется. Не распространяется он и на сельскохозяйственных рабочих, труд которых, вообще, не регулируется никакими нормами, а, ведь, Турция — страна в основном сельскохозяйственная.

Статья вторая законопроекта запрещает наем на работу детей, не достигших 10 лет и, оставляя открытым вопрос о длине рабочего дня для лиц от 10 до 18 лет и о том, в каких производствах им не будет разрешено работать, говорит, что эти вопросы будут урегулированы в дальнейшем особым циркуляром Совета министров. Если сравнить эти постановления с законопроектом 1925 г., с его мелочной регламентацией этих проблем и с категорическим запрещением брать на работу детей моложе 12 лет, а на работу в шахтах лиц, моложе 17 лет, то сравнение окажется далеко не в пользу нового проекта.

Статья третья устанавливает, как общее правило, что длина рабочего дня не может превышать 10 часов, при чем один час должен даваться на отдых (таким образом, фактически работа должна происходить не больше 9 часов в день).

Статья четвертая и пятая вводят целый ряд исключений из этого правила — для сезонных работ, для обработки скоропортящегося сырья и, вообще, во многих исключительных случаях и положениях, что, конечно, открывает широкий простор для всякого рода злоупотреблений, хотя имеется оговорка, что и в исключительных случаях работа не должна производиться больше, чем в течение 12 часов и что правило должно быть уведомлено об этом.

Статья шестая предусматривает платить за сверхурочные часы в двойном размере.

Статья десятая устанавливает, что рабочий, прослуживший в предприятии 3 месяца, не может быть уволен без предупреждения за 15 дней,

¹⁾ Гурко-Кривкин. Та же статья.

и сам не может покинуть работу, не предупредив учреждение за столько же дней. В статье этой, однако, имеется любопытное добавление следующего содержания: "Если между работодателем и рабочим оговорены другие условия, то они действительны". Другими словами, действие этой статьи сводится на-нет, так как работодатель всегда может при приеме рабочего на службу заставить его "согласиться на другие условия".

Статья четырнадцатая говорит о том, что, если рабочий пострадал от несчастного случая, работодатель обязан лечить его бесплатно и в течение 15 дней полностью выплачивать ему заработную плату, а в течение остального времени болезни выплачивать ее в половинном размере. В случае потери рабочим в результате несчастного случая трудоспособности, работодатель обязан отдельно уплатить рабочему денежное возмещение в соответствии со степенью потери им трудоспособности.

Согласно статье 15-й семья или наследники рабочего, умершего в результате несчастного случая, имеет право получить от предприятия материальное возмещение в размере 600-кратного дневного заработка этого рабочего. Если взять за средний дневной заработок турецкого рабочего в настоящее время 100 пиастров¹⁾, то среднее возмещение в размере 600 пир за человеческую жизнь нельзя признать слишком высоким. А, кроме того, многие рабочие получают гораздо меньшую плату, а значит, и возмещение в случае их смерти будет соответственно ниже.

Статья 19-я предусматривает возможность создания в тех предприятиях, где это будет сочтено целесообразным министром торговли, касс взаимопомощи и пенсионных касс, для чего с рабочих взимается 5% их заработной платы и в такой же пропорции платят и работодатели. Согласно статье 21-й инспектор труда и санитарные инспекторы имеют право в любое время проверять условия труда в предприятиях, однако, с предварительным уведомлением комиссара того министерства, в ведении которого предприятие находится, а в государственном предприятии — главного начальника предприятия. Нельзя не отметить, что это предварительное предупреждение вряд ли будет способствовать эффективности контроля.

Статья 23-я устанавливает штраф за нарушение закона, как для работодателей, так и для рабочих.

Статья 26-я предусматривает создание при министерстве торговли "общей трудовой дирекции" для применения этого закона.

Наконец, статья 27-я (последняя) гласит: "За исключением закона от 2/VI 1926 г. за № 895²⁾, все законы и постановления, противореча-

¹⁾ Иктам от 7/V 1927 г.

²⁾ Закон о кассах взаимопомощи и страхования на военных заводах.

пире нормам этого закона, включая закон от 10 июля 1937 г.¹⁾ касаясь прав рабочих Теракгейского угольного бассейна, отменяются".

Из следующего изложения основных положений законопроекта о труде явствует, что в законе нет ни одного слова о праве рабочих на организацию профсоюзов, о праве рабочих обжаловать забастовку, о страховании рабочих, об уходе женского труда, вообще, и об охране материнства, в частности, об охране детского труда (если не считать достаточной охраной запрещение труда детей до 10 лет), об урегулировании труда рабочих в особо тяжелых производствах, как например, в шахтах и рудниках, об урегулировании ночного труда, о праве рабочих участвовать в той или иной форме в контроле над выполнением даже этих скучных постановлений, об установлении минимума заработной платы, об отпусках.

Большее того, этот закон, не отменяя столь тяжелых для рабочих закон, как закон о забастовках, отменяет единственный изданный в интересах рабочих хотя и ограниченного района — закон о Теракгейских рабочих, и тем самым подчиняет их действию этого нового закона, гораздо меньше обеспечивающего их интересы.

Несмотря на все эти вопиющие дефекты и пробелы, турецкие предприниматели все же находят этот закон слишком либеральным.

Торговая палата Константинополя, как только содержание законопроекта стало известно, протестировала министру торговли просьбу задержать его рассмотрение межклассом до тех пор, пока палата не смогла бы и не сообщит своего мнения о нем. Министр торговли ответил, что это необходимо сделать в спешном порядке, и воп 27/IV представители наиболее крупных отраслей турецкой промышленности (табачной, текстильной, железных дорог, трамвая, электрических обществ и т. д.) собрались в помещении торговой палаты для обсуждения проекта. Так как среди этих представителей имелись и делегаты иностранных обществ, то прежде всего было заявлено требование, чтобы закон о труде не распространялся на иностранные компании, так как последние имеют особые концессионные контракты с правительством, в которых условия труда уже предусмотрены. Разумеется, это требование, явно нарушающее интересы турецких предпринимателей, собранием принято не было. Вообще, происходившие на этом собрании дебаты чрезвычайно интересны в смысле выявления истинной природы молодых, только что добившейся власти турецкой буржуазии. Целый ряд статей закона вызвал резкие возражения: Предприниматели возражали против девятичасового рабочего дня (из 10 часов один час дается рабочим на отдых), утверждая, что девятичасовой рабочий день погубит молодую турецкую промышленность. Возражали они и против статьи 14-й, воз-

лагающей на предпринимателя обязанность бесplatно лечить рабочих, а также ряд других обязанностей. И, наконец, возражали они и против такого, казалось бы, беспорного положения, как запрещение труда детей до 10 лет, так как, по их словам, имеется "такая легкая работа, которую могут исполнять и дети до семи лет"²⁾. В конце концов, после долгих прений окончательно были приняты следующие пожелания: сверхурочные работы должны оплачиваться не в двойном размере, как предусматривает проект, а на 50% больше нормальных; статья 10-я проекта должна быть изменена таким образом, чтобы срок предупреждения рабочих был вместо 15 дней (как предусматривает проект) — 7 дней, и правило это должно применяться к рабочим, прослужившим не 3 месяца, а 6 месяцев; принимал закон о страховании рабочих от увечий; правительство выработало закон о страховании рабочих от увечий; в статье о создании касс взаимопомощи уменьшить процент, взимаемый на их содержание как с рабочих, так и с работодателей с пяти до трех³⁾.

После этого четвертого мая состоялось заседание самой торговой палаты, рассмотревшей пожелания, высказанные турецкими предпринимателями и, само собой разумеется, не нашедшей против них никаких возражений. Пожелания эти были приняты без всяких изменений, и было решено довести о них до сведения правительства, в качестве выражения мнения торговой палаты⁴⁾.

Что касается рабочих, то правительство, собственноручно говоря, не сошло нужным спросить их мнение о трудовом законе. На это указывает турецкая газета "Иктам"⁵⁾, заявляющая, что, поскольку рабочие не имеют своих представителей в межклассе, их следовало бы спросить об их отношении к законопроекту, и именно вследствие того, что их не спросили, в законопроекте имеется целый ряд дефектов.

Вообще же, следует отметить, что турецкая пресса отнеслась к законопроекту довольно равнодушно и, кроме названной уже "Иктам", почти не откликнулась на него (была одна — две статьи во всей прессе). Что касается "Иктам", то она настолько заинтересовалась этим вопросом, что открыла даже на своих страницах анкету среди рабочих для выявления их мнения о проекте с целью, как заявила газета "облегчить работу межклассу".

На эту анкету откликнулись множество рабочих, высказавших ряд весьма деланных и существенных соображений по поводу закона о труде. В основном отношение рабочих к проекту резко отрицательное. Так, например, один рабочий пишет, что этот проект во всех отношениях

1) Миллет 5/IV 1927 г.

2) Боллетень Торговцевства в Турции, № 4, 1927 г. и Вахит от 28/IV 1927 г.

3) Миллет 5/IV 1927 г.

4) В настоящее время единственная газета Турции, имеющая несколько оппозиционный характер.

хуже того, который был составлен в 1925 г. — он во всем направляет против интересов рабочих, и, если будет проведен в жизнь в таком виде, то даже изменит к худшему существующие условия труда в Турции). Другой заявляет, что этот закон «позорит Турцию перед лицом цивилизованного мира». Третий пишет: «Республика взяла у других народов целый ряд кодексов и законов — неужели же самый жизненный вопрос — вопрос о трудовом кодексе нечерпывается тремя строчками?»⁹⁾ Наконец, один рабочий заявляет, что законопроект «запишет не рабочих, а предпринимателей. Поэтому его было бы более правильно назвать не законом о труде, а предложением к закону о поощрении промышленности. Конечно, в качестве такового, новый закон поможет росту фабрик, накопленно капиталга. Но положение рабочих он никак не улучшит»¹⁰⁾ и т. д., и т. д. Рабочие высказывают целый ряд пожеланий относительно изменения проекта. Основное из них, повторившееся почти во всех анкетах или письмах — это введение 8-часового рабочего дня. Против 10-часового рабочего дня протестуют единогласно все рабочие. Далее, в целом ряде писем подчеркивается необходимость свободы профсоюзов, без чего закон не будет иметь никакого значения, так как только профсоюзы могут обеспечить его применение, высказываются требования введения обязательного празднования 1-го мая, отплаты рабочим праздничных дней (что из закона не вытекает), обеспечения рабочих отпусков (чего в Турции пока не существует), распространения закона на сельскохозяйственных рабочих, которые работают с восхода до захода солнца, и на предприниматели с числом рабочих меньше 15, увеличения зарплат, так как в настоящее время рабочих в среднем получает 100—150 пиастров в день, принятая в шахтах 6—7 часового рабочего дня и т. д., и т. д. Среди писем имеется письмо одной работницы с табачной фабрики, которая указывает, что законопроект 1925 г. содержал в себе несколько статей, специально охранявших женский труд и материнство, между тем как в новом проекте об этом нет ни слова.

Не ограничиваясь писанием писем, рабочие предприняли и более реальные шаги. Делегаты 14 рабочих организаций Константинопольской устронии особые собрания 23, 25 и 29 апреля для рассмотрения законопроекта о труде. На последнем из этих собраний после длительной дискуссии были окончательно сформулированы пожелания рабочих, и было решено довести о них до сведения правительства. Эти пожелания заключаются в следующем: Закон о труде должен быть распространя на отношения между всеми рабочими и всеми работодателями. На сельскохозяйственных рабочих он также должен быть распространен.

¹⁾ Ислам 21/IV

²⁾ Ислам 24/IV.

³⁾ Ислам 26/IV.

⁴⁾ Ислам 24/IV.

с этим под рабочими следует понимать: «всех лиц, лишенных орудий производства и продающих индивидуальную капиталисту или компании только свою рабочую силу за ежедневную или месячную заработную плату». В интересах национального благосостояния необходимо запретить наем на работу детей, не достигших 14 лет. В интересах повышения производительности труда, уменьшения безработицы, охраны здоровья турецкого пролетариата и всего народа, производительность рабочего времени в неделю не должна превышать 48 часов. Рабочему должен быть обеспечен в неделю 42 часовой непрерывный отдых. 1-е мая должно быть выключено в число праздников. За сверхурочные работы вознаграждение должно уплачиваться в двойном размере. Семье рабочего, умершего вследствие несчастного случая на работе, должно выдаваться возмещение в размере не меньше 1000 лир. Закон должен озвучиться о повышении заработной платы рабочих. Во время болезни рабочего учреждение должно платить ему деньги на лечение. Необходимо увеличить вознаграждение за ночной труд. Необходимо урегулировать ограничения при найме и использования женщин-работниц и т. д.

Меморандум, заключающий в себе это требование, был послан ВНСТ. Кроме того, было избрано три делегата для вручения копии этого меморандума представителю народной партии. Одна копия была послана непосредственно правительству¹⁾.

Трудовой закон должен был рассматриваться меджлисом до окончания последней его сессии. Об этом неоднократно говорилось и писались: глава правительства Исмет паша официально известил об этом Амею Теали Джеммети в ответной телеграмме, посланной этому парламенту в октябре 1926 г. Еще в начале июня, посланный турецким правительством в качестве наблюдателя на международную конференцию труда в Женеве, созванную Бюро Труда при Лиге Наций, Шюкри Каля бей (председатель комиссии меджлиса по иностранным делам), в ответ на приветственное слово председателя конференции, указавшего, что турецкое правительство в настоящее время разрабатывает свой первый трудовой кодекс, подтвердил это, заявив, что турецкое правительство чрезвычайно заинтересовано социальными реформами. Все это, казалось, указывало на то, что проект трудового закона станет законом еще до прекращения занятий меджлиса.

Однако, на деле оказалось иное. Меджлис, заседавший в течение последних недель ежедневно и рассматривавший огромное число законопроектов, снова не нашел времени заняться трудовым кодексом. Времени хатляго на рассмотрение таких законов, как закон о поощрении промышленности, закон о страховых обществах и ряд других, но на трудовой закон его не осталось. Турецкое правительство этим еще раз показало,

¹⁾ Маджет 30/IV 1927 г.

Новый Восток.

что стояла у власти турецкая буржуазия мало склонна к урегулированию и обремененно положению рабочих.

Рассмотрение трудового закона, таким образом, снова откладывается на неопределенное время — во всяком случае не меньше, чем на полгода, так как вновь избранный маджлис соберется только первого ноября.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Турецкое правительство продолжает относиться к вопросу о рабочем законодательстве, как к чему-то весьма второстепенному и даже третестепенному. Проект трудового закона — этого первого шага республиканского правительства в деле рабочего законодательства в известном смысле, является шагом назад, так как: он отменяет имевший принципиальное значение и гораздо более прогрессивный закон о геральдических рабочих; он стоит во многих отношениях позади проекта трудового кодекса, выработанного в 1925 г.; под его действие не попадает основная масса турецкого пролетариата (ст. 2-й проекта), а что касается тех рабочих, на которых он распространяется, то в лучшем случае он зафиксировывает условия труда, которые и без него существуют сейчас в Турции, существующих же изменений в эти условия он, во всяком случае, не внесет.

Но если „прогрессивная“ Англия может в 1927 г., после десятиков лет существования в ней рабочего движения и трудового законодательства, успешно проводить через свой парламент реакционнейший закон о профсоюзах, то для отсталой Турции, с ее только что зародившейся туземной промышленностью и только что пришедшей к власти буржуазией, проектируемый ею трудовой закон не является уже столь большими претрешением, и она во всяком случае может не чувствовать себя опозоренной перед лицом так наз. „цивилизованного мира“.

И. ВОРОЗДИН.

Современная крымская республика.

Два года тому назад (в ноябре 1925 г.) торжественно отпраздновано было пятилетие советизации Крыма. С осени 1920 года началось новый период сложной и многообразной истории Крымского полуострова. Далеко не все части нашего Советского Союза могут соперничать с ним столь богатым и бурным историческим прошлым. И «припоминания дней минувших» иногда не бесплодны при характеристике сегодняшнего дня. Поэтому прежде чем приступить к обзору современного Крыма, я позволю себе вкратце остановиться на его прошлых судьбах в бере столетий.

Древнейшие следы существования человека на Крымской территории относятся к старо-каменному веку (находили в пещерах, особенно недавние примечательные открытия в пещере Клик-Кюев). Последующие эпохи засвидетельствованы целым рядом памятников, обильно насыщающих крымскую почву. Здесь, на этой территории, происходили почти непрерывные столкновения культурных миров Запада и Востока. И в античную эпоху, и в средние века, и в новое и новейшее время Крым привлекал алчные взоры великих захватнических политик держав. Естественные богатства Крыма, его выгодное географическое и стратегическое положение старались всячески использовать и эксплуатировать. От времен античных держав-завоевателей и до дней врангелевщины с ее антантовской подоплекай протыпывались жадные шупальцы к врезавшемуся в море форпосту южных степей. Торговые пути нашего юга упираются в крымские гавани; а в древние времена через Крым гналась крупнейшая караванная торговля, поставлявшая сырье как на Запад, так и на Восток. В греко-римскую эпоху играли

Necide Hanım, "Rahcece"
Zakone devletiştir ve Sürmenenoy
Türkiye "Bugünkü T'de H'si"
Yasaları, Novyi Vostok
(1927) No. 19, s. 80-98.

TÜRKİYE SOSYAL TARİHİ VE İKTİSADİ TARİHİ ARAMA VE İNCELEME ENSTİTÜSÜ